

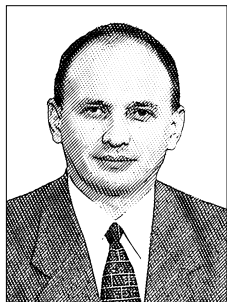

ШКОЛА

И ВОСПИТАНИЕ

НАША РЕФОРМА

О «нашей реформе» мы заговорили в «Народном образовании», когда один за другим были приняты амбициозные документы, декларирующие основные направления реформирования и модернизации российского образования. Нам хотелось восполнить некоторые пробелы, «белые пятна» в намечаемых перспективах. Таким «белым пятном» лет пять назад казалась проблема воспитания, поскольку она по-прежнему упускалась или оставалась в логике воспитательных мероприятий и «воспитывающего обучения».

Алексей Кушнир

Отсюда и возникла идея нашей собственной, в исполнении «Народного образования», маленькой реформы, которая дополняла бы большие реформы. Мы уже писали о её главных смыслах. Например, нам вполне удалось вернуть в педагогический обиход понятие природосообразности. Всё больше профессионалов вместе с классиками педагогики приходят к пониманию, что обучение и воспитание должны быть в гармонии с природой человека, следовать ей, а не преодолевать её. И если кому-то кажется, что мы стучимся в открытую дверь, что утверждение о природосообразности банально и очевидно всем и что никакая «маленькая» или «большая» реформа здесь не нужна, то покажите хотя бы один учебник и одну методику обучения, которые не вступали бы в противоречие с этой самой природой человека. Более того, в некоторых системах обучения вы встретите прямые указания, как особо изощрённым образом преодолевать природные тенденции, проявляющиеся у ребёнка. И если после тщательного расследования вы не обнаружите в современной педагогической практике природосообразных методов и инструментов обучения, то ужаснитесь от мысли: сколько же мегатонн детского здоровья сожрал школьный молох! Понятно, что наш рецепт сохранения здоровья школьников коренным образом отличается от тех, что им нынче обильно выписывают. Какой только экзотики ни встретишь в школе: и комнаты психологической разгрузки, и фитобары, и отдельное питание. Но нет главного — безопасных для здоровья методов и средств обучения. И нет понимания, что это и есть главное.

Ещё одна генеральная линия «нашей реформы» — это постепенная замена «парадигмы знания» на «парадигму любви» в обучении родным языкам. Согласитесь, знание суффиксов и склонений не гарантирует ни грамотности, ни красноречия. Любви к язы-

ку — тем более. А вот трепетная любовь к слову, способность ценить острое словцо, тонкое чувство красоты языка, если и не гарантируют грамотности, то обещают стремление к ней. В сущности, речь идёт о смене приоритетов: на первое место необходимо поставить воспитание эмоционально-положительного отношения к языку, а овладение знаниями о языке подчинить этой задаче. Отсюда вытекает необходимость коренного изменения технологии работы.

На этом пути нам кое-что удалось сделать: сегодня любая школа может получить в распоряжение соответствующие технологии обучения чтению и письму. Например, мы можем гарантировать, что каждый ученик начальной школы к её завершению вместо четырёх книжек типа «Родная речь» только на уроках прочтёт шестьдесят детских книг подобного объёма. И в нашем случае, в отличие от «традиционных», «развивающих» и «лично-ориентированных» уроков, каждый ребёнок прочтёт их на эмоциональном подъёме и с огромным интересом. Главный результат использования нашей системы работы, гарантируемый нами любой школе России, заключается в том, что дети полюбили чтение и книгу. Жаль только, что наша «маленькая революция» в этой области пока никому не нужна: нет километровой очереди российских школ за этой технологией, не обрывает телефон редакции Департамент общего образования. Не нужны читающие люди России, нет такого государственного заказа. Правда, забрезжил свет: в «Программе развития воспитания...» — там прямо так и написано: «На первой ступени общего образования приоритет будет отдан приобщению детей к чтению литературы...» Ну, теперь-то дело пойдёт? Понятно, почему эффективная технология не заинтересовала «учебный» департамент. Десятилетиями складывались методические и издательские «кланы» и никто не заинтересован в «запрещающей технологии»¹. «Воспитательный» департамент к методическим изыскам отношения не имеет, а потому, возможно, будет объективно заинтересован в конечном результате — массовой любви детей к чтению. По меньшей мере мы надеемся теперь на конструктивный диалог. В любом случае через десяток лет, независимо от позиции Минобразования и РАО, большинство учителей России будут использовать нашу технологию обучения — чтение со звуковым ориентиром. Если этого не случится по воле Минобразования, то произойдёт по воле родителей и по Закону РФ о правах потребителей, ведь ни одна «загрифованная» система обучения не пройдёт независимую экспертизу на научность. Не представляет труда доказать, что все разновидности звуко-буквенной, аналитико-синтетической методы противоречат современным знаниям о психологии и психофизиологии ребёнка и наносят непоправимый ущерб его здоровью и интеллектуальным перспективам.

¹ Запрещающая технология — это технология, эффективность которой такова, что её появление делает бессмысленным использование других технологий.

Третья генеральная линия «нашей реформы» — это постепенное возвращение в национальную систему воспитания школьного производства макаренковского типа: рентабельного, высокотехнологичного и эффективного в воспитательном плане. Из номера в номер эта тема присутствует на наших страницах. Ей полностью посвящены десятые номера 2001 и 2002 годов и третьи номера 2002 и 2003 годов. Ни в одном реформаторском документе, принятом за последние десять лет, нет ни слова о производительном труде как универсальном инструменте воспитания всех времён и народов, с мощностью которого не могут сравниться ни пионерская организация, ни «воспитывающее обучение», ни что-либо ещё. А это значит, что нам ещё работать и работать с общественным мнением.

С появлением основополагающего документа — «Основных направлений и плана действий по реализации программы развития воспитания в системе образования России на 2002–2004 годы» — дело сдвинулось! Но производительному труду как средству воспитания среди множества намеченных мер пока места не нашлось. Наш посильный вклад в воспитательное дело, наша «маленькая модернизация» в том, чтобы усилить трудовое начало в воспитательной функции школы.

Почему лозунги о том, что учёба — это тяжёлый труд и что каждый урок математики (физики, химии, географии...) воспитывает или должен воспитывать, не вызывают у нас оптимизма? Да очень просто! Потому что всё это мы уже проходили. Ещё студентом на педпрактике в семидесятых собственноручно наполнял уроки немецкого «воспитывающим содержанием». Тогда все ставки были сделаны на «воспитательный потенциал урока». И тогда же на наших глазах разворачивалась ещё не осознаваемая трагедия уничтожения политехнической школы, создавшей действенный механизм социализации. Во всяком случае, это была школа, которая видела своё предназначение не в натакивании к вузовским экзаменам, а в том,

чтобы каждый выпускник нашёл своё место в жизни. Как это происходило?

Хорошо помню Поздеевскую школу, что в Амурской области. Учитель труда Сергей Дмитриевич многим из нас привил страсть столярничать. Любая столярная или плотницкая задача с тех пор — с седьмого класса — многим была по плечу. Каждый сделал по табуретке, по молотку, освоил токарный станок по дереву, изготовил несколько авиа- и судомоделей. Это только в школе. Главное продолжалось по домам — в селе всегда есть, что ладить. Не менее продуктивными были и уроки ботаники. На пришкольном опытном участке большинство из нас освоили основы агротехники. И дело не в нудном окучивании, без чего, конечно, не обходилось. Хорошо помню свои опыты по высаживанию картофеля в капроновых сетках и бабушкино изумление от зрелища вытаскиваемого за верёвку урожая, исполненное с первозданной деревенской непосредственностью так, что все соседи сбежались. Ещё бы, килограммов сто одним потягом, а не разгребая каждый куст по отдельности.

Знакомство с учителем физики знаменательно тем, что уже к восьмому классу я сварганил несколько радиоприёмников. Экспериментируя с количеством витков на катушке, я слушал по радио то, что слушать было не велено. Увлекательнее всего были милицейские переговоры по рациям.

Восьмой класс я заканчивал уже в 17-й школе г. Белогорска. Глубокие впечатления остались в памяти от производственной практики на заводе «Амурсельмаш». Правда, не столько от квалификационных разрядов по специальностям «токарь» и «фрезеровщик», сколько от обструкции, устроенной взрослыми токарями за то, что за короткую ученическую смену болтов у меня выходило раза в два больше, чем нужно по норме выработки. «Ты что, сопляк, хочешь, чтобы нам норму увеличили?..» — кричал седоусый наставник. Так вместе с профессией познавались и язвы социализма.

Автомобильный двигатель для нашего учителя автодела звучал подобно музыке Моцарта для знатока. Своей влюблённостью в автомобиль он заражал и нас. В кабинете автодела стояла трансмиссия в разрезе — очень наглядный агрегат. Только с его помощью мне удалось понять, как работает дифференциал. Более половины мальчишек в классе ушли из школы с правами водителя третьего класса.

И эту школу, которая нагружала нас, идущих в жизнь, разными нужными, как теперь говорят, компетентностями, начали систематически уничтожать. В восьмидесятых годах стали хиреть пришкольные участки, мастерские, классы автодела. Думаю, что дотошный исследователь непременно найдёт тот основополагающий документ, с которого и начался этот гибельный процесс. За этим документом непременно есть и умники, которые его придумали. Должен быть и заказчик — тот, кому стратегически была выгодна массовая инфантилизация населения России. Результаты этой невидимой работы мы все наблюдали в известной трагикомедии, написанной Сергеем Мавроди.

Процесс изгнания труда из школы был особенно заметен в городах, где в качестве альтернативы школьным мастерским создавались учебно-производственные комбинаты. Внешне и формально эти институты профориентации казались новым качественным уровнем профессиональной подготовки, но никто и не заметил, что в них труд окончательно стал учёбой. А это в психологическом измерении совсем другой процесс.

Окончательная победа апологетов «развития теоретического мышления» над теми, кто по старинке думал, что думать руками тоже полезно для жизни, выразилась заменой «труда» «технологией». И вот она, кульминация: читаю у сына конспект урока — в подробностях описан алгоритм процесса: как паять. Спрашиваю про паяльник. Говорит, что показывали.

Я думаю, что сами архитекторы «школьной перестройки» тех лет уже доросли до осознания простой истины: профессиональные перспективы личности обусловлены не только знаниями и навыками, получаемыми в процессе изучения той или иной технологии, не только способностью мыслить и применять знания, но и элементарной привычкой к трудовому усилию, позитивным эмоциональным отношением к труду, волевой готовностью к нему. Нет никаких научных оснований считать, что, тренируя ребёнка в учебном усилии, мы автоматически получаем готовность к усилию трудовому. Отсюда вытекает и «наша» логика: одного лишь обучения технологиям и процессам, разворачивающегося на уроках, в кружках, в системе дополнительного образования, недостаточно. **Нужна специальная работа по воспитанию у детей привычки к трудовому усилию.**

Выработка привычек — область собственно воспитания. Привычки — дело хлопотное, требуют времени. Их надо возвращать годами, десятилетиями. Тем более такую наиважнейшую, стержневую привычку — трудиться. У нас нет иного выхода, кроме как возвращать производительный труд в школу, если

мы хотим на выходе из неё иметь молодого человека, готового к деятельному образу жизни. Всё, что сегодня предпринимается в этой области, направлено к тому, чтобы восстановить советскую систему воспитательной работы в школе середины восьмидесятых, когда прочно утвердилась установка: дело школы — учить, — и из неё были окончательно изгнаны последние осколки школы трудовой и политехнической.

Поможет ли делу позитивный акцент на исследовательской и проектной деятельности школьников? И да, и нет. Активность такого рода не может быть массовой, тем более не могут быть массовыми исследовательские профессии. Между тем это очень ценное направление учебно-воспитательной работы. Издаваемый при нашем участии журнал «Исследовательская работа школьников» внесёт свою лепту в общее дело. Что же касается воспитания привычки к трудовому усилию в массовой школе, решение должно быть другим — массовым, реалистичным и действенным.

В истории педагогики есть прецеденты успешного, если не сказать блистательного, решения этой проблемы. Это педагогический опыт А.С. Макаренко и всех его последователей. Но все современные последователи Макаренко находятся вне нормативно-правового и технологического поля системы образования. Попытки создать условия для развития финансово-хозяйственной самостоятельности школы, начиная с Закона «Об образовании», столкнулись с откровенным саботажем. В условиях, когда расходы на образование могут составлять до 60 и более процентов местных бюджетов, борьба за финансовые потоки будет идти до последней возможности. Минобрнауки вынуждено прилагать колоссальные усилия, чтобы каждая школа обрела необходимые атрибуты юридического лица, в частности, открыла счёт в банке.

Надо сказать, что активность Минобрнауки в предоставлении школе некоторой финансовой автономии связана преимущественно с надеждами привлечь средства родителей и благотворителей. Министр образования РФ В.М. Филиппов в недавнем интервью нашему обозревателю так прямо и сказал: «...Мы сделали все российские школы юридическими лицами, и уже в этом году мы постараемся, чтобы каждая школа занимала свой бюджетный и внебюджетный счёт. ... Это позволит всем желающим напрямую связываться со школой, помогать ей без каких-либо посредников. Все желающие, все бывшие ученики смогут помочь своей школе материально». Вопрос в том, много ли будет желающих? Но в любом случае это важный шаг в сторону нормализации финансово-экономических отношений в сфере образования.

О школах-хозяйствах речь не идёт и затеять такой разговор на федеральном уровне пока не представляется возможным. Сама идея школы-хозяйства воспринимается как угроза «главной функции школы» — учить. Но всё чаще на самом высоком уровне звучит, что главное назначение школы всё-таки воспитывать. В том же интервью В.М. Филиппов высказался: «...Достаточно часто школы стремятся ограничивать свою деятельность обучением,

а вопросы воспитания, неосуществимые без общественного влияния, оставлять на втором плане. И, по сути, самая главная функция образования — воспитательная — остаётся нереализуемой» (НО. 2003. №3). Эта тенденция означает, что неизбежно встанет вопрос о специфике воспитания как процесса формирования привычек. Придётся определяться с приоритетами и найти место, которое по праву займёт «привычка к труду благородная».

Приемлемые для взрослой (настоящей) жизни привычки поведения нельзя создать в «подготовительной», учебной среде, сообщая о них ребёнку. Для этого необходима подлинная и долговременная система «взрослых» ценностных и производственно-технологических отношений, подобная той, которая складывается в школе-хозяйстве. Пока ещё никому не удалось на основе только учебной деятельности смоделировать такие естественные, могущественные в воспитательном смысле отношения, о возникновении которых можно судить из опыта Макаренко, Шацкого, Католикова и других подвижников педагогики Дела.

Международный конкурс имени А.С. Макаренко, успешно стартовавший в апреле этого года, отныне станет ежегодным. Конкурс — средство актуализации педагогического наследия Макаренко в современных условиях. Идея конкурса оказалась весьма мощным индикатором отношения к труду как инструменту воспитания и в самой системе образования, и в обществе. Прямо скажем, мнения порой диаметрально противоположны: от восторженных до резко отрицательных. Жёстко действует установка: дело школы — учить. Сам Макаренко в представлениях многих педагогов давно сведён к отдельным фрагментам его воспитательной системы. Зачастую школы причисляют свою воспитательную систему к макаренковскому типу на том основании, что в школе есть самоуправление, а в холле висит портрет педагога. При этом никаких признаков школы-хозяйства нет и в помине.

Конкурс имени А.С. Макаренко предполагает участие в нём школ именно макаренковского типа: имеющих и развивающих собственную производственную инфраструктуру, систематически ведущих хозяйственную деятельность, осуществляющих реальную хозяйственную автономию и создавших на этой основе эффективную систему воспитания. Такие школы в России есть, но большинство из них по понятным причинам не афишируют свою деятельность.

Конкурс был задуман в форме общественной инициативы, идущей снизу, опирающейся на непосредственный отклик наших героев — педагогов, открывших для себя педагогику Дела как исключительно эффективное средство воспитания. Очень важно было понять, насколько педагогическая общественность страны готова к восприятию этой банальной истины: без подлинного труда все воспитательные разговоры — пустые хлопоты. Вот ведь парадокс! В частной беседе руководитель образования любого ранга, не задумываясь, поддержит эту сентенцию, но на наши призывы в каждом номере «НО», начиная с № 4 за 2002 год, где впервые мы дали Положение о конкурсе, не откликнулся ни один руководитель в системе образования России. Не было предложений по доработке Положения о конкурсе, не было уточняющих вопросов, никто не предлагал содействие в проведении конкурса. И в этой полной административной тишине стали поступать заявки на участие от школ, от учреждений дополнительного образования, от профессиональных училищ. И конкурс состоялся!

О чём свидетельствует эта «административная тишина»? По меньшей мере о том, что идея системного приобщения детей к производительному труду пока не входит в представления администраторов о модернизации российского образования. Нет таких планов и у Минобразования. А эмоциональные рассуждения, как известно, к делу не подошьёшь. Вот и выходит, что нашему конкурсу предстоит ещё долго быть общественной инициативой и сугубо «нашей» реформой.

Хотелось бы, конечно, чтобы эта инициатива поощрялась и поддерживалась.

Мы обращались в различные инстанции за поддержкой. Не хотелось бы сейчас портить себе и читателям настроение рассказами о том, кто, как и чем нам ответил или не ответил. Общее впечатление удручающее: депутатов всех уровней интересует то, насколько интенсивно будет данное мероприятие освещаться в прессе и влиять на их предвыборные рейтинги; чиновников различных ведомств интересует только одно: как к мероприятию относится начальство; представители бизнеса сразу же интересуются, насколько вовлечены в организационный процесс конкретные лица из мэрии или правительства. Собственно конкурс, как деятельная поддержка тех, кто реально способен отвлечь детей от улицы, никого не интересует. Особенно грустно от того, что те же политики, что льют крокодиловы слёзы на телевизионных экранах по поводу беспризорщины и судеб образования, никак не отреагировали на наши обращения. Но главный разговор, конечно, не о них. А о тех, кто с большим пониманием отнёсся к проблеме продуктивной занятости детей, кто в той или иной форме поддержал конкурс и Макаренковскую конференцию.

Хочется выразить и от редакции, и от членов Макаренковской ассоциации, и от участников конкурса нашу общую признательность депутату Государственной Думы РФ Олегу Николаевичу Смолину и всем его помощникам за безоговорочную поддержку конкурса и его идеологии. Деятельное участие в конкурсе приняла Аграрная партия России, учредившая семь специальных призов для сельских школ. Университет потребительской кооперации (ректор — Мария Васильевна Сероштан) перечислил пятьдесят тысяч рублей в наградной фонд конкурса и вручил специальные призы. Особенно приятным сюрпризом для участников конкурса оказались два целевых места в университете потребительской кооперации для выпускников школ — участниц конкурса. Существенную организационную помощь в проведении конференции и конкурса нам оказало Министерство образования Московской области и лично Лидия Николаевна Антонова, министр образования МО. Конкурс не состоялся бы, если бы самую горячую заинтересованность в его успехе не проявил ректор Российской академии повышения квалификации и переподготовки работников образования Эдуард Михайлович Никитин. Сотрудники академии создали все условия для макаренковских мероприятий, которые длились целую неделю. Особая наша благодарность Валентине Александровне Березиной, начальнику Управления воспитания и дополнительного образования Минобразования РФ и всем её соратникам по управлению за активное содействие в организации празднования юбилея А.С. Макаренко. На всех этапах подготовки и проведения конкурса и конференции работали члены Международной Макаренковской ассоциации во главе с президентом Татьяной Фёдоровной Кораблёвой. Напряжённой работой жюри конкурса

руководил академик РАО Александр Михайлович Новиков. Украшением праздника стало выступление на заключительном концерте Татьяны Юрьевны Петровой. Уникальный голос, манера пения, сам факт принадлежности к семье А.С. Макаренко удивительно гармонично вписались в атмосферу праздника.

Нам понадобится ещё целая страница, чтобы перечислить всех замечательных людей, принимавших участие в этом педагогическом событии. Пытаясь упомянуть всех, легко забыть кого-нибудь, обидеть невзначай. Всем низкий поклон. Мы хотели бы рассчитывать на вашу поддержку, дорогие коллеги, и в следующем году.

Были случаи, когда нам отказывали в поддержке по вполне определённой причине. То обстоятельство, что участники конкурса должны внести организационный взнос в размере десяти тысяч рублей, вызвал у отдельных официальных и неофициальных лиц полное неприятие. На этом основании одна из заинтересованных сторон отказала конкурсу в поддержке. Более того, кому-то даже показалось, что конкурс имени Макаренко — исключительно коммерческое предприятие, направленное к тому, чтобы извлечь прибыль. И в этом намерении заподозрили редакцию «Народное образование», выпускающую самый недорогой в России педагогический журнал: сопоставьте стоимость «НО», имеющего более 30 условных печатных листов в каждом выпуске, и стоимость любого другого педагогического журнала с объёмом, как минимум, втрое меньшим. Выводы сделает даже пятиклассник.

Все волнения впереди. Прибыль от конкурса колоссальная, если измерять её в единицах морального капитала. В денежном же выражении баланс таков:

- прямые расходы на конкурс составили около 500 тыс. рублей;
- прямые доходы в виде взносов участников и благотворителей составили около 200 тыс. рублей;
- убытки редакции, соответственно, составили 300 тысяч рублей. Это и есть наша коммерческая выгода, в которой нас заподозрили некоторые ревнители чистоты педагогических помыслов.

Мы обсудили вопрос об организационных взносах с участниками конкурса и вот к какому решению пришли: организационный взнос должен быть! Аргументы:

- конкурс специально акцентирует участие состоятельных школ макаренковского типа, имеющих и производство, и доходы, и не предполагает участие школ бедствующих, а также тех, кто процветает за счёт родительской платы за всякого рода дополнительные услуги;
- оргвзнос — это форма поддержки самой идеи макаренковского движения, это, по сути, добровольное пожертвование, поскольку насильно в конкурс никто никого не тянет;
- каждый участник, вышедший в финал, увозит с собой призов и подарков на сумму, значительно превышающую размер оргвзноса;
- никто не мешает потенциальному благотворителю конкурса, который отказывает в поддержке именно по причине «обдирания школ», компенсировать школам их организационные взносы;
- наконец, оргвзнос — это некоторая гарантия того, что, если конкурсу откажут в поддержке все и всюду, он всё равно состоится, хотя и с меньшим размахом, и это своего рода залог независимости.

Найдутся и другие аргументы.

С выходом этого номера начинается работа по подготовке Макаренковского конкурса-2004. Мы просим, дорогие коллеги, тех из вас, кому не надо доказывать важность труда как способа воспитания, присоединиться к этой работе.

